

А. М. РЕМИЗОВ И ФОЛЬКЛОР: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нагорная Я. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8224-2462>

Аннотация. В работе представлен критический обзор научных исследований по теме «Фольклорно-литературное взаимодействие в творчестве А. М. Ремизова», опубликованных на русском языке. Изучение заявленной темы ведется, преимущественно, в русле литературоведения. Между тем, для писателя, известного своим стремлением к сохранению и новаторским отношением к традиционным литературным жанрам, фольклор является одним из доминирующих источников творчества. В настоящее время ремизоведение не располагает обобщающими работами о фольклоризме в творчестве писателя и о влиянии жанров устного народного творчества на его художественную систему, поэтому одна из задач статьи – вызвать научный интерес к проблеме и стимулировать дальнейшие исследования в этом направлении. В публикации дается краткая характеристика современного состояния изучения проблемы, обозначаются основные векторы рассмотрения и выявляются лакуны. Анализируются работы, посвященные разнообразным аспектам, позволяющим актуализировать ракурс рассмотрения творческого наследия с точки зрения фольклористики как таковой, в частности, посвященные типологии фольклоризма и мифологизма в творчестве писателя; уточнению круга фольклорных источников и особенностей работы с ними, авторской методологии, а также роли и функции авторских комментариев к миниатюрам «Посолони». Эти примечания к текстам возникли под влиянием литературного скандала, связанного с обвинением писателя в плагиате. Оценка событий вокруг этого инцидента ремизоведами и фольклористами не совпадает, в статье намечены перспективы дальнейших исследований. Подробно рассматриваются публикации, посвященные влиянию текстов календарной обрядности, духовных стихов, сказочной, заговорно-заклинательной традиции, народной драмы, детского фольклора и русских народных картинок на творчество писателя. Впервые выдвигается версия о возможном влиянии эстетики райка («Всемирной косморамы») на творчество Ремизова на примере сказочной повести «Что есть табак», в которой художественными средствами лубка и райка происходит переформатирование апокрифической модели. Проведенный анализ многочисленных исследований позволил определить, что в художественном творчестве писателя нашли отражение не только все многообразие фольклорных жанров, но и такие специфические его черты, как устность и вариативность. Результаты исследования могут быть использованы при построении истории русской литературы и фольклористики начала XX в., в исследованиях, посвященных фольклорно-литературному взаимодействию, популяризации и изданию произведений устной словесности.

Ключевые слова: ремизоведение; фольклоризм; фольклорно-литературное взаимодействие; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; русский фольклор; литературная обработка; фольклорные тексты.

A. M. REMIZOV AND FOLKLORE: ON THE ISSUE OF RESEARCH METHODOLOGY

Yana V. Nagornaya

Institute of Russian Literature (the Pushkin House) Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8224-2462>

Abstract. The article presents a critical review of research works on the topic “Folklore-literary interaction in the creative activity of A.M. Remizov” published in Russian. The study of the topic has been conducted mainly within the framework of literary criticism. Meanwhile, for a writer known for his commitment to preservation and innovative approach to traditional literary genres, folklore is one of the dominant sources of creativity. Currently, Remizov studies cannot boast of generalizing works on folklorism in the writer's creative activity and on the influence of oral folk art genres on his artistic system, so one of the aims of the article is to attract scholarly interest to the issue and stimulate further research in this area. The publication gives a brief description of the

current state of research on the problem, identifies the main vectors of its consideration and reveals the academic lacunae. The author analyzes the works, which deal with the creative heritage from the point of view of folklore studies and address the problems of the typology of folklorism and mythologism of the writer, clarify the range of folklore sources and the specificity of working with them, as well as the role and function of the author's comments on the miniatures of *Posoloni*. These notes to the texts were created under the influence of a literary scandal related to the accusation of the writer of plagiarism. The assessment of the events around this incident by specialists in Remizov studies and folklorists does not coincide, the article outlines prospects for further research. The author undertakes a detailed description of the influence of the texts of calendar rite, spiritual verses, fairy tale, conspiracy-spell tradition, folk drama, children's folklore and Russian folk pictures on the writer's creative activity. For the first time, the author poses a hypothesis about the possible influence of the aesthetics of rayok ("World Cosmorama") on the work of A. M. Remizov by the example of the fairy-tale novella "What is Tobacco", which depicts the reformatting of the apocryphal model by artistic means of lubok and rayok. The analysis of numerous studies made it possible for the author of the article to conclude that the writer's creative activity does not only reflect the real diversity of folklore genres but also such specific features of them as oral format and variability. The results of the study can be used in the design of the course of the history of Russian literature and folklore studies of the beginning of the early 20th century, in the studies dealing with folklore-literary interaction, and in popularization and publication of folklore texts.

Key words: Remizov studies; folklorismus; folklore-literary interaction; Russian writers; literary creative activity; literary genres; Russian folklore; literary interpretation; folklore texts.

Для цитирования: Нагорная, Я. В. А. М. Ремизов и фольклор: к вопросу о методологии исследования / Я. В. Нагорная. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 155–166. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-13.

For citation: Nagornaya, Ya. V. (2021). A.M. Remizov and Folklore: on the Issue of Research Methodology. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 155–166. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-13.

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00007 «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX–XXI вв. Электронная научная система».

Acknowledgments: the study has been accomplished with financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation (RScN) Grant No. 20-18-00007 "The legacy of A.M. Remizov in the literary process of the 20th–21st centuries. Electronic scientific system".

Введение

Изучение темы «Творчество А. М. Ремизова и фольклор» имеет долгую и непростую историю, основные итоги которой представлены в монографиях Ю. В. Розанова «Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика» и И. Ф. Даниловой «Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы)» [Розанов 2008: 8–14; Данилова 2010: 8–21]. Выходу в свет этих работ предшествовал значительный рост числа научных исследований, посвященных выявлению фольклорных основ художественного творчества писателя.

Комплексный характер научных изысканий в этой области, учитывающий в равной степени литературоведческий и фольклористический аспекты, представляется вполне логичным, поскольку результаты исследований важны для обеих наук. В принятой научной практике литературоведы и фольклористы большей частью подходят к изучению

влияния традиционной культуры на творчество писателя с разных точек зрения, используя инструментарий своей исследовательской сферы, в частности, выявление фольклорных мотивов, образов и сюжетов в авторских текстах. Применительно к творчеству Ремизова еще не разработана строгая система дефиниций, которая позволила бы раскрыть особенности использования писателем фольклорно-этнографического материала, не допуская вариативности в толковании терминов. Смешение понятий «фольклорно-литературное взаимодействие» и «мифопоэтика», игнорирование жанровых особенностей текста-источника и специфики фольклорной лексики в трудах ремизоведов нередко сводят исследовательскую задачу к односложному перечислению фольклорных и/или архетипических признаков авторского текста.

С другой стороны, недостаточное внимание фольклористов к историко-литератур-

ному и биографическому контексту творчества писателя в некоторых случаях приводит к научной полемике между представителями этих двух областей филологического знания. Примером могут служить расхождения в интерпретации событий вокруг литературного скандала, связанного с обвинением Ремизова в издании от своего имени двух текстов из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» [Ончуков 2008]. Разница в трактовке откликов на инцидент, выдвинутая фольклористом Т. Г. Ивановой и историком литературы И. Ф. Даниловой, а также все детали рассматриваемого биографического сюжета проанализированы в монографии «Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы)» [Данилова 2010: 99–125]. Несколькими годами позже Ю. Н. Розанов изложил свою версию в статье «Плагиат из фольклора: случай А. М. Ремизова» [Розанов 2015].

На наш взгляд, обращаясь к реакции собирателей на ремизовские переложения зафиксированных ими текстов, исследователи опускают тот факт, что сказка «Мышонок», записанная М. М. Пришвиным, и «Небо пало» – Н. Е. Ончуковым, подверглись литературной обработке в разной степени и с разной целью. Как отмечал М. М. Пришвин, создавая переложение текста, писатель не только изменял синтаксис и фонетику, но и воссоздавал образы и быт рассказчика, реконструируя местами утраченный смысл сказки [Пришвин 1909: 5]. Изменения, внесенные в миниатюру «Небо пало», сравнительно немногочисленны и, в основном, связаны с авторской интенцией психологизировать действия героев. Как отмечал Ремизов в письме в редакцию, «что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, в этом вся хитрость и мастерство художника» [Ремизов 2000: 608]. В откликах на литературный скандал критики, сличая эти миниатюры со сказками Ончукова, старались доказать идентичность текстов на уровне сюжета, образов и языковых средств, всячески нивелируя различия. Комплексное текстологическое исследование ремизовских художественных пересказов, проведенное в сопоставлении их с источниками, позволит выявить художественные приемы, превращающие фольклорную основу в литературный текст.

В монографии И. Ф. Даниловой намечен еще один ракурс изучения этого литературного скандала. По подсчетам исследовательницы в течение первой недели после выхода в свет статьи Мих. Мирова «Писатель или списыватель?» «появилось как минимум девять перепечаток и сообщений о ремизовском плагиате, опубликованных в столичной и провинциальной печати» [Данилова 2010: 103]. Анализ этих публикаций был проведен И. Ф. Даниловой с литературоведческой точки зрения [Данилова 2010: 99–125]. Обращение фольклористов к откликам провинциальных изданий может дать дополнительные материалы о восприятии массовым сознанием («средним читателем») различий между произведениями устной словесности и литературными текстами, а также особенностей процесса популяризации традиционной культуры на примере творчества Ремизова.

Основные подходы к типологизации фольклоризма и мифологизма творчества Ремизова

На современном этапе общей для всех исследований, выполненных в рамках данной проблематики, является тенденция, связанная с систематизацией и дифференциацией материала. В этой связи вопросы о модели использования устной поэзии и поэтики мифа являются основополагающими для дальнейших научных построений, связанных с изучением индивидуального стиля писателя, особенностей процесса творчества и эволюции художественного мышления. Проблема типологии фольклоризма Ремизова, несмотря на обилие научных трудов, посвященных частным вопросам использования фольклора, далека от окончательного решения. В настоящее время нам известны две работы, в которых затрагивается эта тема.

Одна из наиболее полных современных типологий фольклоризма, предложенная В. В. Головиным и О. Р. Николаевым, подразумевает четкое разделение понятий «мифопоэтика» и «литературно-фольклорное взаимодействие», при котором отношение к традиционной культуре всегда отчетливо проявляется в литературном тексте [Головин, Николаев 2013: 34]. Типологизируя функциональные поля литературно-фольклорного взаимодействия,

авторы относят книгу Ремизова «Посолонь» к прагматической модели «конструирование „космоса“ на основе фольклорно-мифологической традиции». Среди ее характеристик выделяются признаки традиционной мифологической картины мира: трехчастное строение космоса, «противопоставление центра мира и границы, оппозиция сакральное-мирское, чистое-нечистое, мифологические персонажи из русской традиции» [Головин, Николаев 2013: 34]. Согласно рассматриваемой концепции предложенную модель нельзя отнести ко всему творчеству писателя в целом, однако ее авторы не исключают, что этот вид фольклорно-литературного взаимодействия может оказаться доминирующим и в других произведениях. О. Р. Николаев и В. В. Головин представляют модель построения текста без анализа конкретных миниатюр, что в дальнейшем может стать предметом исследовательского интереса.

Одним из приемов описания творчества Ремизова с точки зрения фольклорно-мифологической основы является рассмотрение книг «Посолони» и «К Морю-Океану» через призму концепции о трех видах «поэтики мифологизирования» Е. М. Мелетинского, раскрытую в монографии «Поэтика мифа». Рассматривая особенности авторской работы с фольклорно-этнографическими источниками на примере образов растительного мира, В. Б. Колосова и С. Ю. Королева убедительно показали, что мифопоэтика писателя не подчиняется строго разграниченной типологии. Во-первых, она совмещает признаки основных трех способов конвергенции (интеллектуального, интуитивного и магического); во-вторых, основу художественного мифологизма Ремизова составляет фольклорная традиция в живом ее бытовании, использование книжных источников придает ему интеллектуальный характер. Вместе с тем в текстах прослеживается индивидуальное – интуитивное – и спонтанное мифотворчество, писатель как бы воспроизводит несуществующие в традиционной культуре образы и сюжеты, никак не разделяя фольклорную и художественную реальности [Колосова, Королева 2009: 127].

Исследуя приемы художественного воплощения народной традиции в творчестве Ремизова, историки литературы отмечают свой-

ственную началу XX века романтическую идеализацию прошлого, обращение к обряду и мифу как наиболее архаичным формам традиционной культуры. Миф у Ремизова предстает как «протограф очевидца истинного события, который скрыт под наслоениями времен фиксации. Именно до „истинного“ рассказа о событии Ремизов докапывается, сличая списки, вчитываясь в исследования, и, как итог, пишет свою „реконструкцию“» [Грачева 1979: 390]. Специфика отношения к мифу заключается в том, что внимание Ремизова сосредоточено на гранях перехода обряда в игру, мифа в сказку. Разноаспектному изучению последней темы посвящена обширная литература [Артемьева 1999; Бувевич 2011; Жиликов 2008 и др.], в то время как связь обряда и игры в творчестве писателя изучена сравнительно мало [Ржепниковская 2010; Чередникова 1995].

Фольклорно-этнографические источники произведений писателя и специфика их литературной обработки

Положение о том, что «фольклороцентризм» Ремизова имеет книжное происхождение, единодушно принимается всеми, в связи с этим исследователи видят важной задачей определение явных и скрытых источников, с которыми работал писатель. После обвинения в плагиате Ремизов снабжал свои тексты обширными комментариями и давал отсылки к трудам этнографов, фольклористов и языковедов (А. Н. Афанасьева, Е. В. Аничкова, А. Н. Веселовского, К. Ф. Жакова, Д. К. Зеленина, В. П. Налимова, А. А. Потебни, Н. Ф. Сумцова и др.), в том числе к работам представителей мифологической школы, которые в начале XX в. уже подвергались основательной критике, о чем Ремизов был хорошо осведомлен. По наблюдениям В. Б. Колосовой и С. Ю. Королевой, в отборе материала из научных трудов и фольклорных записей писателя привлекал прежде всего образный потенциал источника [Колосова, Королева 2009], поэтому труды Ф. И. Буслаева и его последователей занимали главенствующую роль в этих списках.

Благодаря исследованиям С. Н. Доценко, Е. Е. Вахненко, И. Ф. Даниловой, Е. Р. Обатниной, Ю. Н. Розанова, А. Л. Топоркова, А. В. Коровашко и др., круг скрытых источников про-

изведений писателя постоянно расширяется. В монографии И. Ф. Даниловой «Литературная сказка А. М. Ремизова...» представлена типология основных способов обработки источников: использование этнографических описаний обрядов; цитирование исследований, использование диалектного слова, зафиксированного словарями, и развертывание в самостоятельный сюжет отдельного имени или мотива, обнаруженного в научных работах [Данилова 2010: 90]. Последний прием был подробно рассмотрен в статье В. Б. Колосовой и С. Ю. Королевой на примере растительной символики [Колосова, Королева 2009] и работе А. В. Коровашко о заговорах. В ней представлены различные способы «реализации заговоров» и внутренняя логика создания сложных контаминаций из заговорных мотивов [Коровашко 2009].

Работа писателя над «воссозданием народного мифа», манифестированная в статье, написанной в ответ на обвинение в плагиате [Ремизов 2000: 607–610], велась по двум направлениям: создание «неаутентичных явлений народной культуры» [Розанов 2008] путем литературной обработки фольклорных произведений, записанных собирателями («Небо пало», «Лев-зверь», «Собачий хвост» и др.), и собственно авторское творчество, основанное на использовании сюжетов, мотивов и образов устной поэзии. В последнем случае Ремизов принимает на себя роль продолжателя традиции, поскольку хорошо понимает, что восстановление народного мифа – дело коллективного преемственного творчества [Ремизов 2000: 608]. А. Д. Синавский, анализирующий психологию творчества писателя, нашел в его поведении черты нескольких литературных масок, среди которых «чудотворец, колдун или сказочник» и «скоморох», [Синавский 1987]. Соединившись с понятием «литературная маска», значение этих понятий, заимствованных из фольклористики, размылось. В современном ремизоведении нет единого определения терминов «литературная маска скомороха / сказочника», однако они широко используются для раскрытия культурной самоидентификации писателя, избравшего роль протагониста своих произведений [Данилова 2010; Розанов 2008].

Как показала А. М. Грачева, создавая художественные произведения, Ремизов во многом следовал опыту древнерусских книжников, поэтому для обозначения народнопоэтических основ художественного творчества в ремизоведении применяются такие несвойственные фольклористике понятия, как «извод» («сказки фольклорного извода», «сказки кавказского извода»), «протограф» [Данилова 2010] и «устнопоэтический канон» [Колосова, Королева 2009].

Важная особенность фольклоризма Ремизова – сочетание «книжных приемов» и вариативности, яркого и самого очевидного свойства произведений устного творчества. При очередной публикации Ремизов создает новую редакцию произведения, внося небольшие правки, касающиеся особенностей ритмического строя текста и его звучания [Данилова 2010: 180]. Эффект непосредственного говорения, сказывания, достигался писателем, в частности, и за счет использования приема «имитации оговорок, отступлений сказителя» [Розанов 2008: 115].

В творчестве писателя также представлено и региональное начало традиционной культуры. Его интерес к северному фольклору и литературе очевиден. Ремизовские сказки насыщены элементами различных традиций: славянских, сибирских, кавказских, арабских, подкарпатских, кабыльских. [Данилова 2008: 152–171; Вахненко 2018].

Ю. Н. Розанов выявил еще один аспект фольклорно-литературного взаимодействия в рамках творчества писателя: переход в обиходный язык Боли-Бошки, героя одноименной новеллы [Розанов 2008: 244]. По сути – это ценное наблюдение актуализирует задачу создания ономастикона произведений писателя, на материале которого можно не только очертить круг подобных явлений, но и выявить фольклорно-этнографические источники имен собственных, встречающихся в текстах.

Для определения особенностей работы писателя с источниками важны результаты исследований о месте и функции авторских примечаний к текстам «Посолони». И. Ржепниковская рассматривает эти комментарии как научный текст, цель которого – подчеркнуть исследовательскую основу сказок [Ржепниковская 2010]. Другие авторы видят в них продол-

жение художественного текста [Розанов 1994; Чередникова 1995]. В рассматриваемом контексте наиболее убедительным и нуждающимся в дальнейшем развитии представляется функциональный подход, предложенный И. Ф. Даниловой: Примечания дают возможность устанавливать единство всего повествования и являются «смысловым расширением» авторского текста, связывая сказку с широким контекстом фольклорно-этнографических источников, задавая вектор для дальнейшей интерпретации [Данилова 2010: 55].

Отражение жанровой системы фольклора в произведениях Ремизова

Пристальное внимание исследователей к истокам фольклорных интересов, идущих из детства писателя, позволяет говорить об интуитивном ощущении традиционных основ сказок, колыбельных, мифологической прозы и календарных обрядов, особенно Святков. Эстетика этого праздника с их смеховой культурой и традицией ряжения близка мироощущению писателя, главная тема творчества которого определялась им как дуалистическое свойство человеческого бытия.

Основное внимание ремизоведов сосредоточено на изучении сказок. Анализу миниатюр «Посолони» посвящено три монографии [Завгородняя 2009; Розанов 2008; Данилова 2009], несколько диссертационных исследований [список см. Данилова 2009: 14] и внушительное количество статей. Однако приходится признать, что отражение жанровой специфики народной сказки в творчестве Ремизова остается вне поля зрения фольклористов. До конца не исследованы репертуар сказочных сюжетов, особенности их контаминации, включение в структуру сказочного повествования элементов других жанров, особенности литературной обработки текстов.

В последнее время фокус внимания исследователей вновь смещается в сторону духовных стихов – самого популярного жанра устной словесности в литературе Серебряного века. Для обработок духовных стихов, сделанных Ремизовым, были характерны разнообразные эксперименты на грани стиха и прозы [Орлицкий 1997], а также использование приема контаминации фрагментов сюжетов. А. Л. Топорков выделил пять типов

обращения к этому жанру в текстах писателя: создание крупных произведений на сюжеты духовных стихов («Действо о Георгии Храбром»); включение аутентичных стихов или их фрагментов в текст (стих «Плач Адама» в «Бесовском действе»); заимствование образной системы (Алатырь-камень в цикле «Образ Николая Чудотворца. Алатырь-камень русской веры»), а также использование сюжета без имитации формы (духовный стих «Святой Николай и триста старцев иноков» в рассказе «Никола Угодник») [Топорков 2015]. Предложенный типологический подход можно было бы применить также к сказкам и заговорам.

Как установили В. Б. Колосова и С. Ю. Королева, заговорная традиция реализуется в текстах «Посолони» на разных уровнях, в том числе – с помощью языковых средств [Колосова, Королева 2009], тем не менее эта тема редко становится предметом отдельного исследования. Результаты изучения влияния поэтики заговоров на сказки, рассказы и апокрифы писателя представлены в работах И. В. Привалова и А. В. Коровашко [Коровашко 2009; Привалов 2001].

Ремизов ставил загадки в один ряд с заговорами и другими жанрами, послужившими материалом для его произведений [Ремизов 2000: 608], проявляя в этом интуитивное понимание близости загадок к заклинательной традиции и шире – ритуально-мифологическим представлениям славян. На отдельные элементы поэтики загадок и других «малых жанров» фольклора попутно указывали многие исследователи творчества писателя [Колосова, Королева 2009; Розанов 2008; Ржепникова 2010], однако в настоящее время эта тема практически не изучается.

К числу жанров устной словесности, положенных в основу ремизовских произведений, следует отнести былины, баллады, причитания, лирические и колыбельные песни. Е. Р. Обатнина в комментариях к «Трагедии об Иуде принце Искаротском» [Обатнина 2016: 775–819] вслед за автором очертила круг фольклорно-этнографических источников драмы (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым; Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873) и опре-

делила специфику их использования. Сформулированная исследовательницей задача по созданию всеобъемлющего историко-литературного комментария к тексту пьесы не реализована до сих пор.

Календарная обрядность в творчестве писателя

Специального исследования, посвященного сравнительному анализу мифологического календаря «Посолони» с народным аграрным календарем, не проводилось, однако статьи, посвященные отдельным сказкам: «Воробьиная ночь» [Доценко 1994], «Ночь темная» [Бувич 2011; Розанов 2008; Жиляков 2008 и др.], «Кукушка» [Доценко 2019; Ржепниковская 2010], подтверждают тезис С. Н. Доценко: «Без реконструкции фольклорно-мифологического контекста многие образы и мотивы Ремизова теряют смысл» [Доценко 1994: 106].

И. Ржепниковская в статье о ритуальном начале «Посолони», следуя за пояснениями Ремизова, связывает логику расположения частей книги с аграрными представлениями славян о весне как начале хозяйственного года. Исследовательница показывает (в частности на примере миниатюры «Кукушка»), что для писателя приоритетными в его обработке материала оказываются игровые и развлекательные элементы обряда, которые он выводит на первый план, оставляя аграрно-заклинательную символику лишь частью специального знания, явленного в комментариях к тексту. И. Ржепниковская рассматривает «Посолонь» «как праздник слова, обладающего целительными и оберегательными свойствами» [Ржепниковская 2010: 163].

Народная драма и драматургия Ремизова

Ряд исследователей [Данилова 2010; Розанов 2008; Чередникова 1995 и др.] отмечали «игровое» начало некоторых сказок писателя, связанное с особой ситуацией рассказывания. Почти все пьесы автора тесно связаны с народным театром и создавались в 1900 – начале 1920-х годов, во время создания сказочных циклов и наиболее активной работы с фольклорно-этнографическим материалом [подробнее см. Данилова 2010: 6, 98].

В работах, посвященных Ремизову-драматургу [Грачева 2016; Розанов 2008; Топорков

2015], выявляются отличительные черты жанра «действ», приводится история создания произведений и дается краткая характеристика фольклорных источников, положенных в основу сюжета: духовные стихи («Действа о Георгии Храбром»), отчасти и «Бесовское действо»), лубочная сказка («Бова Королевич»), народная драма «Царь Максимилиан». Ю. К. Герасимов рассматривает драматические произведения как попытку объединения традиций вертепа с принципами театра для трудящихся и актуальной для символистов задачей создания современного мистериального театра [Герасимов 1994: 180].

А. М. Грачева отмечает, что при создании драмы о Царе Максимилиане писатель использовал двухчастную композицию, объединяющую две пьесы народного театра: «О кесаре Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе» и «О храбром воине Анике и Смерти» [Грачева 2016: 849]. Этот же композиционный прием описал А. Л. Топорков на примере «Действа о Егории Храбром», сюжет которого состоит из двух вариантов этого народного стиха: так называемого «большого» и «малого» [Топорков 2015: 23–24]. В использовании данного приема можно увидеть родство драматургии Ремизова со сказками и в каком-то смысле – заговорами, поскольку в фольклоре контаминация сюжетов и мотивов гораздо в большей степени характерна этим жанрам, чем народному театру. Создание сложных единств из образов, мотивов и сюжетных схем, взятых из различных фольклорных жанров в рамках одного произведения и даже одного предложения, – один из основных приемов, который писатель использует для «воссоздания народного мифа». Некоторые из контаминаций, созданных Ремизовым, действительно имеют прямые параллели в традиционной культуре, что на примере заговоров показал А. В. Коровашко [Коровашко 2009: 164–165].

Эстетика русских народных картинок в творчестве писателя

Ремизоведы рассматривают лубочные сказки и народные картинки как один из источников художественного интереса писателя [Данилова 2010; Обатнина 2016; Розанов 2008 и др.].

Опираясь на работу Ю. М. Лотмана «Художественная природа русских народных кар-

тинок», И. Ф. Данилова называет важные для творчества Ремизова характеристики лубков: связь с театром, преимущественно, с балаганом, с игрой, ориентированность на активное взаимодействие со зрителем, использование маски, воспроизведение шутовского поведения, связь с календарной обрядностью, а отсюда, фривольность многих сюжетов, подписи к картинкам как бы разыгрывают рисунок, «заставляя воспринимать его не статически, а как действие» [цит. по: Данилова 2010: 216].

Лубочная эстетика нашла отражение в драматических опытах Ремизова. Так, «Бесовское действо» называется «одним из первых опытов модернистского подхода к воплощению на сцене апокрифического, мистериального и лубочного сюжетов» [Вахненко 2019: 173]. Картинки из собрания Д. К. Ровинского (о дивных людях, найденных Александром Македонским, трех святителях Василии Великом, Григории Богослове и Иване Златоусте, Мазическом царстве) нашли отражение также в «Трагедии об Иуде» [Обатнина 2016: 811]. Эти сюжеты становятся источником для описания иноземцев и удивительных стран.

Одним из наиболее ярких примеров использования лубочного сюжета является сказка о Бове Королевиче, к которой Ремизов обращался в своем творчестве не единожды. «Сказка о славном и сильном богатыре Бове Королевиче и о прекрасной супруге его Дружневне» была положена в основу сюжета заветного сказа «Царь Додон» [Данилова 2010: 192]. История создания «Повести о Бове Королевиче» и анализ ее редакций представлены в монографии «Алексей Ремизов и Древнерусская культура» [Грачева 2000]. Драматическое действо о «Храбром витязе Бове Королевиче» является предметом особого рассмотрения в другой статье этого же автора. А. М. Грачева называет пьесу «сценарием», предназначенным для актерской импровизации и кукольного театра, а также отмечает, что ее язык «ориентирован на язык лубочной сказки о Бове Королевиче и, одновременно, на игру в народное переосмысление иностранных слов в духе Н. С. Лескова» [Грачева 2016: 709].

На примере святочной повести «Что есть табак» И. Ф. Данилова показала, как персонажи и

художественные средства лубочных картинок нашли отражение в апокрифическом тексте. Исследовательница перечисляет названия лубков, использованных Ремизовым при описании чудес и знамений в монастыре, а также рассматривает персонажей картинок «Шут Гонос» и «Фарнос, красный нос» как прототипов действующих лиц повести [Данилова 2010: 221–222].

Не вызывающие сомнений наблюдения И. Ф. Даниловой могут быть дополнены за счет соотнесения апокрифа «Что есть табак» с эстетикой райка («Всемирной косморамы»). Проблема влияния этого вида зрелищной культуры на поэтику ремизовских текстов до настоящего времени не стала объектом пристального внимания специалистов. Как вид площадного развлечения «потешные панорамы», представляющие собой ящик с движущимися картинками, дожили до начала XX в. и пользовались большой популярностью. Раешное представление включало три важные, с точки зрения ремизовской поэтики, вида воздействия на публику: изображение, игру и слово, а комментарии раешника одновременно развлекали и просвещали публику (в отличие от текстов лубков, приговоры раешников не подвергались цензуре). Основой изображения были лубочные листы разной тематики: виды городов и монастырей, батальные сцены, среди которых виды осады обитателей, необыкновенные случаи, «чудеса природы» (волосатые люди, русалки, выловленное из воды морское чудовище), персонажи античной мифологии (Медуза, Скилла), гуляние с медведем, райские птицы (Сирин и Алконост). Все эти сюжеты, аллюзии к которым можно найти в тексте «Гоносовой повести», были широко известны и опубликованы в издании русских народных картинок Д. К. Ровинского. Таким образом, художественными средствами лубка и райка происходит переформатирование апокрифической модели, а читатель становится еще и зрителем «Всемирной косморамы», наблюдающим за движением «потешных листов», элементов сюжета.

Жанры детского фольклора в «Посолони»

Родство произведений Ремизова с миром детства отмечали многие читатели-современники и критики¹, однако глубокое осмысле-

¹ О реакции критики на выход в свет книги «Посолонь» см. подробнее [Розанов 2008: 79–80].

ние темы началось спустя почти сто лет после первого издания «Посолони». На данном этапе научный поиск ведется, в основном, на уровне постановки вопроса и разрозненных наблюдений. Специалист в области изучения детского фольклора М. П. Чередникова отмечает несомненную связь сказочных миниатюр с народными демонологическими рассказами (вплоть до начала XX в. этот жанр принадлежал также и детской субкультуре), и в этом ключе анализирует образ Костромы, опровергая распространенное среди ремизоведов [Розанов 2008: 103–104; Калимуллина 2014] представление о том, что это низший демонологический персонаж, близкий к овииннику. В одноименной сказке Кострома – ласковый покровитель детства, символ солнечного тепла и земной благодати. Объяснение связи с овином исследовательница находит в материалах Д. К. Зеленина, описавшего обычай умывать росой у овина беспокойных младенцев [Чередникова 1995: 313].

Современные исследователи детской литературы [Жибуль 2004; Бредихина 2017] подчеркивают связь ремизовских сказок с детским фольклором и отмечают особое мастерство писателя в передаче детского языка и мировидения: ребенок называет явления мира своими «именами».

Природа неологизмов писателя объясняется в монографии «Литературная сказка А. М. Ремизова»: они заимствовались из речи дочери и знакомых детей или представляли собой звукоподражания, «олицетворения детских страхов (например, старуха Буроба, Зародыш или Кучерище из сказки „Котофей Котофейч“), которые сконструированы по той же модели, что и подлинные фольклорные аналогии» [Данилова 2010: 40].

Литература

- Артемьева, О. В. Мифопоэтика прозы Алексея Ремизова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Артемьева. – Москва : [б. и.], 1999. – 16 с.
- Бредихина, В. Н. Детская литература Серебряного века: А. М. Ремизов: сборник сказок «Посолонь» / В. Н. Бредихина // Традиции и новации в системе дошкольного образования : материалы междунар. науч.-метод. конф. Псков, 27–28 октября 2016 года / под ред. С. О. Домбек. – Псков, 2017. – С. 29–32.
- Бувевич, О. В. Жанровое своеобразие сказки А. М. Ремизова «Ночь темная» / О. В. Бувевич // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3. – С. 198–203.
- Вахненко, Е. Е. Рецепция и трансформация фольклорных сюжетов коренных народов Сибири в сказках А. Ремизова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 19–28.
- Вахненко, Е. Е. Литературная личность А. М. Ремизова в карикатурах, шаржах, пародиях современников (1906–1916) / Е. Е. Вахненко // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 170–180.
- Герасимов, Ю. К. Театр Алексея Ремизова / Ю. К. Герасимов // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А. М. Грачева. – СПб. : Дм. Буланин, 1994.

Выводы

Разностороннее изучение роли традиционной культуры в творческом наследии Ремизова и методов ее художественного воплощения образует самостоятельное и актуальное направление современного литературоведения. Всплеск научного интереса к изучению вопроса, наметившийся в начале XXI в., не прекращается до настоящего времени. Научно-методологическое осмысление темы планомерно движется от стремления ученых выявить связи произведений Ремизова с конкретными устно-поэтическими источниками, анализа эстетических функций фольклорных элементов в авторском тексте к попыткам обнаружить принципы освоения писателем художественных основ устной поэзии и его жанровой системы. Однако при таком обилии глубоких исследований, выполненных в русле различных подходов, еще не создана последовательная типология фольклоризма творчества писателя, охватывающая все многообразие текстов Ремизова, поэтому приходится говорить, что научное обсуждение этого важнейшего вопроса, по сути, еще не началось, хотя данное направление исследований могло бы способствовать объединению научных интересов фольклористов и литературоведов. Проведенный обзор трудов ремизоведов позволил выявить и другие лакуны, которые еще ждут своих исследователей. Это, прежде всего, темы, связанные с изучением ономастикона ремизовских произведений, отражения в них поэтики «малых жанров» загадок, паремий, детского фольклора и эстетики райка.

Головин, В. В. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах нового времени / В. В. Головин, О. Р. Николаев // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. Н. Е. Котельникова. – М. : Гос. республик. центр русского фольклора, 2013. – С. 16–54.

Грачева, А. М. Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип / А. М. Грачева // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 33: Древнерусские литературные памятники / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом) ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л., 1979. – С. 388–400.

Грачева, А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура / А. М. Грачева ; РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб. : Дм. Буланин, 2000. – 333 с. – (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 19).

Грачева, А. М. «Охваченный жаждой новых форм для выражения вечных тайн...» (Алексей Ремизов и метаморфозы русского театра первой четверти XX века) / А. М. Грачева // Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 12: Русалия / под ред. А. М. Грачевой. – СПб. : Издательство «Росток», 2016. – С. 676–727.

Данилова, И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова: (1900–1920-е годы) / И. Ф. Данилова ; University of Helsinki, Department of Modern Language. – Helsinki, 2010. – 271 с. – (Slavica Helsingiensia; 39).

Доценко, С. Н. «Воробьяная ночь» Алексея Ремизова: Текстологический анализ сказки / С. Н. Доценко // Русская речь. – 1994. – № 2. – С. 103–106.

Доценко, С. Н. Из чего сделана «Кукушка» А. М. Ремизова / С. Н. Доценко // Emigrantika и возле: К 60-летию Олега Коростелева / ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. – М. : Изд-во «Дмитрий Сечин» ; Литфакт, 2019. – С. 263–277.

Жибуль, В. Ю. Детская поэзия Серебряного века. Модернизм / В. Ю. Жибуль. – Минск : Логинов, 2004. – 130 с.

Жиляков, А. С. Жанровое своеобразие литературной сказки рубежа XIX–XX веков («Посолонь» А. М. Ремизова – «Пак с Волшебных Холмов» Р. Киплинга) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жиляков А. С. – Томск : [б. и.], 2008. – 26 с.

Завгородняя, Г. Ю. Миф-сказка-метафора (к вопросу о формах стилизации в русской прозе начала XX века) / Г. Ю. Завгородняя // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, № 3. – С. 57–64.

Калимуллина, Е. В. Интерпретация образов фольклорной демонологии в творчестве А. М. Ремизова / Е. В. Калимуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 10 (40) : в 3-х ч. Ч. II. – С. 65–70.

Колосова, В. Б. Мифология растений в сказочных циклах А. Ремизова «Посолонь» и «К морю-океану» (об отношении мифопоэтического образа к фольклорному первоисточнику) / В. Б. Колосова, С. Ю. Королева // Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – М. : РГГУ, 2009. – С. 110–128. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 57).

Коровашко, А. В. Заговоры и заклинания в мифотворчестве Алексея Ремизова / А. В. Коровашко // Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. – М. : Изд-во Кулагиной 2009. – С. 160–168.

Обатнина, Е. Р. Трагедия об Иуде, Принце Искаротском. Комментарий / Е. Р. Обатнина // Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 12: Русалия / под ред. А. М. Грачевой. – СПб. : Издательство «Росток», 2016. – С. 775–819.

Орлицкий, Ю. Б. Традиции духовного стиха в русской литературе Серебряного века / Ю. Б. Орлицкий // Христианское миссионерство как феномен истории культуры. – Пермь, 1997. – С. 274–283.

Привалов, И. В. Лимонарь, сиречь луг духовный / И В. Привалов // Вестник университета Российской академии образования. – 2001. – № 4. – С. 77–81.

Пришвин, М. Плагиатор ли А. Ремизов? (Письмо в редакцию) / М. Пришвин // Слово. – 1909. – 21 июня (4 июля). – № 833. – С. 5.

Ремизов, А. М. Письмо в редакцию / А. М. Ремизов // Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2: Доука и балагурье / сост., подгот. текста, вступит. статья и коммент. И. Ф. Даниловой. – М. : Русская книга, 2000. – С. 607–610.

Ржепниковская, И. Мифо-ритуальное начало в сказках Алексея Ремизова «Посолонь» / И. Ржепниковская // Festkultur in der russischen Literatur (18–21. Jahrhundert). Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. – München : Herbert Utz Verlag, 2010. – С. 155–164.

Розанов, Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: Источники, генезис, поэтика : монография / Ю. В. Розанов. – Вологда : Вологод. гос. пед. ун-т, 2008. – 266 с.

Розанов, Ю. В. Плагиат из фольклора: Случай А. М. Ремизова / Ю. В. Розанов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 82–86.

Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / сост., подгот. текстов, вступ. статья, коммент., указ. и словарь В. И. Ереминой. – СПб. : Издательский дом «Мирь», 2008. – 750 с.

Синявский, А. Литературная маска Ремизова / А. Синявский // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / ed. by G. Slobin. – Columbus : Slavica, [1987]. – P. 25–39. – (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

Топорков, А. Л. Духовные стихи в русской литературе / А. Л. Топорков // Русская литература. – 2015. – № 1. – С. 5–29.

Чередникова, М. П. Миф-сказка-игра в лирическом цикле А. М. Ремизова «Посолонь» / М. П. Чередникова // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства / сост.: Е. В. Кулешов и И. А. Антипова. – М. : ОГИ, 2003. – С. 307–316.

References

- Artem'eva O. V. (1999). *Mifopoetika prozy Alekseya Remizova* [Mythopoeitics of Prose by Alexei Remizov]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 16 p.
- Bredikhina, V. N. (2017). Detskaya literatura Serebryanogo veka: A. M. Remizov: sbornik skazok «Posolon» [Children's Literature of the Silver Age: A. M. Remizov: Collection of Fairy Tales "Posolon"]. In Dombek, P. O. (Ed.). *Traditsii i novatsii v sisteme doskol'nogo obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii Pskov, 27–28 oktyabrya 2016 goda*. Pskov, pp. 29–32.
- Buevich, O. V. (2011). Zhanrovoe svoeobrazie skazki A. M. Remizova «Noch' temnaya» [Genre Originality of A. M. Remizov's Fairy Tale "Dark Night"]. In *Vestnik Omskogo universiteta*. Nom 3, pp. 198–203.
- Cherednikova, M. P. (2003). Mif-skazka-igra v liricheskom tsikle A. M. Remizova «Posolon» [Myth-Fairy Tale-Game in the Lyrical Cycle of A. M. Remizov "Posolon"]. In *Detskii sbornik: Stat'i po detskoj literature i antropologii detstva*. Moscow, OGI, pp. 307–316.
- Daniilova, I. F. (2010). *Literaturnaya skazka A. M. Remizova: (1900–1920-e gody)* [Literary Tale of A. M. Remizov: (1900–1920)]. Helsinki, 271 p.
- Dotsenko, P. N. (1994). «Vorob'inaya noch'» Alekseya Remizova: Tekstologicheskii analiz skazki ["Sparrow Night" by Alexei Remizov: Textual Analysis of the Tale]. In *Russkaya rech'*. No. 2, pp. 103–106.
- Dotsenko, P. N. (2019). Iz chego sdelana «Kukushka» A. M. Remizova [What is made "Cuckoo" by A. M. Remizov]. In Ponomarev, E. R., Shrubina, M. (Eds.). *Emigrantika i vozle: K 60-letiyu Olega Korosteleva*. Moscow, Izdatel'stvo «Dmitrii Sechin», Litfakt, pp. 263–277.
- Eremina, V. I. (Ed.). (2008). *Severnye skazki v sobranii N. E. Onchukova* [Northern Tales in the Collection of N. E. Onchukov]. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom «Mir». 750 p.
- Gerasimov, Yu. K. (1994). Teatr Alekseya Remizova [Theater of Alexey Remizov]. In Gracheva, A. M. (Ed.). *Aleksei Remizov: Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg, Dm. Bulanin.
- Golovin, V. V., Nikolaev, O. R. (2013). «Uzelkoe pis'mo» fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeistviya v russkikh literaturnykh tekstakh novogo vremeni ["Knot Letter" of Folklorism: Pragmatics of Literary and Folklore Interaction in Russian Literary Texts of the New Times]. In Kotelnikova, N. E. (Ed.). *Navstrechu Tret'emu Vserossiiskomu kongressu fol'kloristov: sb. nauchnykh statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 16–54.
- Gracheva, A. M. (1979). Povest' A. M. Remizova «Savva Grudtsyn» i ee drevnerusskii prototip [The Story of A. M. Remizov "Savva Grudtsyn" and Its Old Russian Prototype]. In Likhachev, D. P. (Ed.). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 33: *Drevnerusskie literaturnye pamyatniki*. Leningrad, pp. 388–400.
- Gracheva, A. M. (2000). *Aleksei Remizov i drevnerusskaya kul'tura* [Alexey Remizov and Old Russian Culture]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 333 p.
- Gracheva, A. M. (2016). «Okhvachennyy zhazhdoi novykh form dlya vyrazheniya vechnykh tain...» (Aleksei Remizov i metamorfozy russkogo teatra pervoi chetverti XX veka) ["Engulfed in the Thirst for New Forms for the Expression of Eternal Secrets..."] (Alexey Remizov and Metamorphoses of the Russian theater of the First Quarter of the 20th Century)]. In Remizov, A. M. *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 12: Rusaliya* / ed. by A. M. Gracheva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Rostok», pp. 676–727.
- Kalimullina, E. V. (2014). Interpretatsiya obrazov fol'klornoj demonologii v tvorchestve A. M. Remizova [Interpretation of Images of Folklore Demonology in the Work of A. M. Remizov]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 10 (40), in 3 parts. Part II, pp. 65–70.
- Kolosova, V. B., Koroleva, P. Yu. (2009). Mifologiya rastenii v skazochnykh tsiklakh A. Remizova «Posolon» i «K moryu-okeanu» (ob otnoshenii mifopoeticheskogo obraza k fol'klornomu pervoistochniku) [Plant Mythology in the Fairy Cycles of A. Remizov "Salon" and "To the Sea-Ocean" (on the Attitude of the Mythopoeitic Image to the Folklore Source)]. In Neklyudov, P. Yu. (Ed.). *Mif v fol'klornykh traditsiyakh i kul'ture novshego vremeni*. Moscow, RGGU, pp. 110–128.
- Korovashko, A. V. (2009). Zagovory i zaklinaniya v mifotvorchestve Alekseya Remizova [Conspiracies and Spells in the Myth-Making of Alexei Remizov]. In *Zagovory i zaklinaniya v russkoi literature XIX–XX vekov*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoinoi, pp. 160–168.
- Obatnina, E. R. (2016). Tragediya ob Iude, Printse Iskariotskom. Kommentarii [The Tragedy of Judah, Prince of Iscariot. Comment]. In Remizov, A. M. *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 12: Rusaliya* / ed. by A. M. Gracheva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Rostok», pp. 775–819.
- Orlitsky, Yu. B. (1997). Traditsii dukhovnogo stikha v russkoi literature Serebryanogo veka [Traditions of Spiritual Verse in Russian Literature of the Silver Age]. In *Khristianskoe missiонерство kak fenomen istorii kul'tury*. Perm, pp. 274–283.
- Prishvin, M. (1909). Plagiator li A. Remizov? (Pis'mo v redaktsiyu) [Is Remizov a Plagiarist (Letter to the Editor)]. In *Slovo*. June 21. No. 833, p. 5.
- Privalov, I. V. (2001). Limonar', sirech' lug dukhovnyi [Lemonary or Spiritual Meadow]. In *Vestnik universiteta Rossiiskoj akademii obrazovaniya*. No. 4, pp. 77–81.
- Remizov, A. Pis'mo v redaktsiyu [Letter to Editorial Board]. In Remizov, A. M. *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 2: Dokuka i balagure* / ed. by I. F. Daniilova. Moscow, Russkaya knigapp. 607–610.
- Rozanov, Yu. V. (2008). *Fol'klorizm A. M. Remizova: Istochniki, genesis, poetika* [Folklorism of A. M. Remizov: Sources, Genesis, Poetics]. Vologda, Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 266 p.
- Rozanov, Yu. V. (2015). Plagiat iz fol'klora: Sluchai A. M. Remizova [Plagiarism from Folklore: The Case of A. M. Remizov]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (64), pp. 82–86.

Rzepnikowska, I. (2010). Mifo-ritual'noe nachalo v skazkakh Alekseya Remizova «Posolon» [Myth-Ritual Beginning in the Tales of Alexei Remizov "The Posolon"]. In *Festkultur in der russischen Literatur (18–21. Jahrhundert)*. München, pp. 155–164.

Sinyavsky, A. (1987). Literaturnaya maska Remizova [Literary Mask of Remizov]. In by Slobin, G. (Ed.). *Alexei Remizov. Approaches to a Protean Writer*. Columbus, Slavica. 286 p.

Toporkov, A. L. (2015). Dukhovnye stikhi v russkoi literature [Spiritual Poems in Russian Literature]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 5–29.

Vakhnenko, E. E. (2018). Retseptsiya i transformatsiya fol'klornykh syuzhetov korennykh narodov Sibiri v skazkakh A. Remizova [Reception and Transformation of Folklore Plots of the Indigenous Peoples of Siberia in the Tales of A. Remizov]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 431, pp. 19–28.

Vakhnenko, E. E. (2019). Literaturnaya lichnost' A. M. Remizova v karikaturakh, sharzhakh, parodiyakh sovremennikov (1906–1916) [Remizov's Literary Person in Cartoons and Parodies of His Contemporaries (1906-1916)]. In *Filologicheskii klass*. No. 4 (58), pp. 170–180.

Zavgorodnyaya, G. Yu. (2009). Mif-skazka-metafora (k voprosu o formakh stilizatsii v russkoi proze nachala XX veka) [Myth-Tale-Metaphor (to the Question of Forms of Stylization in Russian Prose of the Early 20th Century)]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 151. No. 3, pp. 57–64.

Zhibul', V. Yu. (2004). *Detskaya poeziya Serebryanogo veka. Modernizm* [Children's Poetry of the Silver Age. Modernism]. Minsk, Loginov. 130 p.

Zhilyakov, A. P. (2008). *Zhanrovoe svoeobrazie literaturnoi skazki rubezha XIX–XX vekov («Posolon» A. M. Remizova – «Park s Volshebnykh Kholmov» R. Kiplinga)* [Genre Originality of the Literary Tale of the Turn of the XIX–XX Centuries ("Salon" by A. M. Remizov – "Park from the Magic Hills" by R. Kipling)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk. 26 p.

Данные об авторе

Нагорная Яна Валерьевна – младший научный сотрудник Рукописного отдела, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Маркова, 4.

E-mail: iohannan@yandex.ru.

Author's information

Nagornaya Yana Valer'evna – Junior Researcher of Manuscript Department, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).